

I wouldn't be wrong if I said that the most interesting evening of the first half of our concert season was the concert of Messrs. Ziloti, Schillings, Possart, and Rachmaninoff, which they gave on November 30th. Something youthful and fresh was noticeable in it, and it was unusual in its plan. The highlight of this concert was Schillings's melodrama, which divided our critics into two camps: some admitted that these melodrama contained too much of the premeditated and rational, while others, on the contrary, saw in them a vivid expression of illustration. However, one thing is certain for both of them, that in the person of Schillings one can welcome the blossoming of a huge original talent, outlining its own path that opens up a wealth of new things for a branch of music that is still often regarded as a stepchild in art. It must be said that until the appearance, at least in Russia, of Schillings's "Eleusinian Feast" and "The Witch's Song," no one had independently heard a complete work of melodrama in such a complete volume. Schillings must be considered the first exemplary composer in this regard. Everything that appeared before him in some of the works of Lishin, Rebikov, Mussorgsky, can be called a kind of preparatory period, which in Schillings fell on a precise path, strewn with sound truth, although, perhaps, at times coldly spoken, but unusually subtle, as if fragrant poetry and mood. Unfortunately, I had to hear the melodeclamations at the second, dress rehearsal, but even then, not fully coordinated in their orchestral performance, they impressed me as something surprisingly harmonious in its internal quality, extremely rich in a faithful reflection of Schiller's text. Mr. Ziloti's concert in general had such an outstanding success that the artist would have been justified in once again introducing our public to Schillings's talent.

[Translation: Google]

Я ни сколько не ошибусь, если скажу, что за первую половину нашего концертного сезона лучшим вечером по своему интересу был концерт г. Зилоти, Шиллингса, Поссар-та и Рахманинова, устроенный ими 30 ноября. Что то молодое, свежее в нем замечалось, не обыденное по своему плану. Гвоздем этого концерта были мелодекламации Ши-лингса, разделившие мнение о себе наших критиков на два лагеря: одни признали, что в этих мелодекламациях слишком много преднамеренного и разсудочного, другие, наоборот, увидели в них яркое выражение иллюстрации. Несомненно, однако, и тем и другим одно, что в лице Шиллингса можно приветствовать расцвет громадного оригинального таланта, намечающего собственную дорогу, открывающего массу нового для той музыкальной отрасли, на которую еще и до сих пор продолжают смотреть как на нечто пасыночное в искусствѣ. Надо сказать, что до появления, по крайней мере в Россіи, шилинговскаго «Элевзинскаго праздника» и «Пѣсни вѣдьмы», не слыхали самостоятельно цѣлаго по части мелодекламации в таком полномъ объемѣ. Шилингса приходится считать в этомъ отношеніи первымъ примѣрнымъ композиторомъ. Все до него фигурировавшее в нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Лишина, Ребикова, Мусоргскаго, можно назвать какъ бы подготовительнымъ періодомъ, попавшимъ у Шиллингса на точный путь, усѣянный звуковою правдою, хотя, можетъ быть, подчасъ и холодно сказанною, но необычайно тонкою, будто благоухающею поэзіей и настроенностью. Мне, къ сожалѣнію, пришлось слышать мелодекламации на второй, генеральной, репетиции, но уже и тогда, не вполне слаженные в своемъ оркестровомъ исполненіи, онѣ произвели на меня

впечатлѣніе чего-то удивительно строй-наго по своему внутреннему свойству, въ высшей степени богатаго вѣрнымъ отраже-ніемъ шиллеровскаго текста. Концертъ г. Зилоти вообще имѣлъ настолько выдающійся успѣхъ, что артистъ былъ бы въ правѣ еще разъ познакомить нашу публику съ дарова-ніемъ Шиллинга.